

УДК 94(470+571):677

**ТКАЦКИЕ СТАНКИ И ДОМЕННЫЕ ПЕЧИ:  
КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ  
В ЦЕНТРАЛЬНОМ СТАРОТЕКСТИЛЬНОМ АРЕАЛЕ И УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ**

**К. Д. Бугров**

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук,  
Екатеринбург, Россия, k.d.bugrov@gmail.com

Статья посвящена сравнительному анализу ключевых исторических черт формирования индустриальной идентичности и потенциалу ее конвертации в актуальное культурное развитие на примере двух старопромышленных районов России, Центрального старотекстильного ареала и Уральского региона. Автор показывает, что формирование идентичности текстильного края определялось богатым дореволюционным наследием, дополненным революционным мифом, тогда как для уральских городов, сложившихся в результате нескольких разных волн промышленного освоения, особенно важной была индустриальная гордость, связанная не столько с наследием, сколько с производственным процессом. Кроме того, текстильная промышленность Центрального ареала слабо консолидирована, а в уральской экономике, напротив, сложилась олигополия крупнейших промышленных компаний. По этой причине в случае Центрального старотекстильного ареала следует ожидать ревитализации индустриального наследия в контексте историко-этнического брендинга, дополняющего влиятельную систему Золотого кольца и ориентированную на спрос со стороны Москвы. В случае же Урала вероятным представляется развитие ряда культурных кластеров — «стальных Диснейлендов» — в городах, где размещены головные производства ведущих компаний.

**Ключевые слова:** индустриальное наследие, индустриальная идентичность, текстильная промышленность, бренд, ревитализация промышленности, джентрификация, Ивановская область, Урал.

**LOOMS AND BLAST FURNACES:  
CULTURAL POTENTIAL OF INDUSTRIAL HERITAGE  
IN THE CENTRAL TEXTILE AREA AND THE URAL REGION**

**K. D. Bugrov**

Institute of History and Archaeology of Ural Branch of Russian Academy of Sciences,  
Yekaterinburg, Russia, k.d.bugrov@gmail.com

The paper analyzes the key historical features of the formation of industrial identity and the potential ways of its conversion into actual cultural politics, by focusing on two examples of the old industrial regions of Russia, namely, Central Textile Area (Ivanovo and Moscow Region) and Ural Region. The author shows that the formation of the identity of the textile region was

---

© Бугров К. Д., 2021

**Ссылка для цитирования:** Бугров К. Д. Ткацкие станки и доменные печи: культурный потенциал индустриального наследия в Центральном старотекстильном ареале и Уральском регионе // Labyrinth: теории и практики культуры. 2021. № 1. С. 51—64.

**Citation Link:** Bugrov, K. D. (2021) Tkackie stanki i domennnye pechi: kul'turnyj potencial industrial'nogo naslediya v Central'nom starotekstil'nom areale i Ural'skom regione [Looms and blast furnaces: cultural potential of industrial heritage in the Central Textile Area and the Ural Region], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 1, pp. 51—64.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19-78-10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII—XX вв.».

determined by a rich pre-revolutionary heritage, supplemented by a powerful revolutionary myth, while for the cities of Ural, which emerged as a result of several waves of industrial colonization, the specific industrial pride was of special importance. Such pride was generated not so much by the tale of glorious past but rather by the actual industrial process and the mastery of newest technologies. The industrial heritage, presented by older structures and facilities, was at times becoming unsuitable as a subject of pride and thus was demolished or totally rebuilt. Moreover, the textile industry of the Central area is poorly consolidated, while the industry of Ural, on the contrary, is built around the oligopoly of the largest industrial companies operating in the fields of metallurgy and heavy machine-building. For this reason, in the case of the Central Old Textile Areal, we should expect a revitalization of the industrial heritage in the context of historical and ethnic branding, complementing the influential system of the Golden Ring and focusing on satisfying the demand from populous and rich city of Moscow. In the case of the Urals, one might expect the development of a set of cultural clusters — “steel Disneyland” — in the cities like Magnitogorsk, Verkhaya Pyshma or Pervouralsk, where the key production facilities of the leading industrial companies are located.

**Key words:** industrial heritage, industrial identity, textile industry, branding, revitalization of industry, gentrification, Ivanovo region, Urals

Работа посвящена обзорному сравнению двух старопромышленных регионов России — Центрального старотекстильного ареала (Ивановская, Владимирская, Московская области) и Урала. Если Урал известен сегодня как «горнозаводская цивилизация», то Иваново называют «равнинно-фабричной цивилизацией». Два эти региона схожи тем, что основой для их выделения на карте служат не природные границы и не этнокультурная специфика, а исторически сложившийся промышленный профиль экономики. Собственно, автор понятия «равнинно-фабричная цивилизация» М. Ю. Тимофеев и придумал его как «антитезу уральской горнопромышленной цивилизации» [Сдобнов, 2017]. Оба эти старопромышленных региона выступали когда-то локомотивами развития страны, а распад плановой экономики и интеграция России в глобальное постиндустриальное хозяйство вызвали в обоих регионах острый кризис. Очевидное, бросающееся в глаза сходство вызывает искушение объединить два эти региона под одной маркой: старопромышленные регионы, депрессивные регионы, моногорода.

Впрочем, «большое количество индустриальных локусов на территории России не предполагает их одно(едино)образия» [Тимофеев, 2013: 38]. В рамках настоящей статьи нас интересуют различия как в истории складывания двух старопромышленных регионов России, так и в их современной хозяйственной специфике, оказывающей определяющее влияние на возможные варианты освоения и ревитализации индустриального наследия. Для этих целей мы используем идеи американского социолога Г. Джереффи, который, размышляя о промышленности в эру глобализации, пишет о двух типах производственных цепочек: зависимой от производителя (producer-driven) и зависимой от покупателя (buyer-driven). В первом случае, характерном для капиталоемких и наукоемких производств (транспортное машиностроение, авиастроение, энерго- и электромашиностроение, производство сложной техники), центральную роль играют крупные интегрированные предприятия. Во втором случае основными выступают ритейлеры и дистрибьюторы брендовых марок продукции, не являющиеся в строгом смысле производителями и не имеющими своих фабрик и заводов. Они организуют децентрализованные производственные сети в развивающихся странах на базе субконтрактов. Этот случай характерен для трудоемких производств товаров широкого потребления, прежде всего — одежды и обуви [Gereffi, 1994: 97].

Российский антрополог А. В. Головнёв замечает: «Поскольку рыночная конвертация мировоззренческих ценностей предполагает их ревизию и менеджмент, все природное и культурное достояние подвергается своего рода инвентаризации,

в ходе которой у прагматичных наследников пробуждаются романтические предковые архетипы» [Головнёв, 2011: 47]. Разумеется, подобной конвертации оказалась подвержена и своеобразная индустриальная идентичность Иваново и Урала, представавшая теперь на рынке двояко. В одном случае конвертации подвергается то, что *было* и *ушло*, оставив набор исторических остатков — зданий и артефактов, более не используемых по назначению — который можно джентрифицировать для туристов и иных потребителей, использовать для создания добавленной стоимости товаров и услуг, либо снести и застроить чем-то совсем другим. В другом случае предметом конвертации выступает действующее, конкурентоспособное предприятие, которое может выступать игроком не только того рынка, на котором специализируется, но и рынка культурного, рынка идентичностей, создавая культурные формы на основе нарратива, который можно называть *индустриальной гордостью*<sup>1</sup>. Ниже мы анализируем сходства и различия двух промышленных регионов — равнинно-фабричного и горнозаводского — в категориях типов производственных цепочек и типов «конвертации» природного и культурного достояния.

### Золотое кольцо текстильного края

С тех пор как журналист Ю. А. Бычков в 1967 г. проехал по кольцевому маршруту Москва — Ростов — Ярославль — Суздаль — Владимир — Москва, именно Золотое кольцо стало основным брендом обширного региона, которому сейчас трудно даже подобрать какое-либо другое имя. Когда-то он был известен как Замосковье, сегодня А. И. Трейвиш говорит о «русском историко-культурном и промышленном ядре, сложившегося в междуречье Волги и Оки» [Трейвиш, 2004: 12], Центральном старотекстильном ареале, образуемом двумя частями — Ивановским кластером, в основном приходящимся на Ивановскую область [Столбов, 2012: 49], и Московским кластером, охватывающим восток и юго-восток Московской области, а также южную часть Владимирской. Это — «страна центрально-русских “манчестеров”» [Трейвиш, 2004: 18], «текстильный край», территория, в 1929—1936 гг. почти полностью, за вычетом района Орехово-Зуево, объединенная в рамках огромной Ивановской промышленной области.

Более старая южная часть этой страны с начала XIX в. складывалась как кольцо промышленных пригородов крупнейшего центра текстильной индустрии — Москвы. Формирование промышленного кольца вокруг Москвы, в основном закончившееся к 1860-м гг., протекало по радиальной модели, однако «самыми развитыми в промышленном отношении оказались территории, расположенные к северо-востоку, востоку и юго-востоку» [Градостроительство России..., 2003: 427], развивавшиеся вдоль железнодорожных линий на Ярославль, Нижний Новгород и Рязань. Таким образом, ряд крупных текстильных производств оказался на территории современной Владимирской области [Ловкова и др., 2018: 24]. Северная же часть Центрального старотекстильного ареала занимает компактную территорию, ограниченную с запада линией Ростов — Ярославль, с юга — линией Ростов — Тейково —

<sup>1</sup> Примеры такого рода тоже на слуху: можно вспомнить производственный комплекс «Volkswagen» в германском Вольфсбурге, являющийся одновременно памятником индустриальной архитектуры, культурным центром и крупнейшим действующим автомобильным производством. Из парка развлечений «Autostadt», который включает музей техники, шоу-рум, кинотеатр и рестораны (здесь, в частности, подают знаменитую свиную колбаску Volkswagen Currywurst, выпускаемую заводом с 1973 г. — первоначально для собственных столовых, позднее и для всех желающих), открывается отличный вид на старые цеха и впечатляющую заводскую электростанцию 1938 г. постройки; комплекс является туристической аттракцией мирового класса и в то же время — островком индустриальности посреди постиндустриального мира, поскольку здесь работают около 40 000 рабочих — цифра даже по мерке середины XX в. большая.

Вязники, с востока и севера — рекой Волгой. Помимо иваново-вознесенского промышленного узла здесь к концу XIX в. благодаря появлению ряда железных дорог сформировались кинешемско-вичуго-родниковская, писцово-середская и коврововожская группы фабрик [Градостроительство России... , 2003: 429].

Таким образом, если бы Бычков хотел любоваться не древнерусским зодчеством, а памятниками фабричной архитектуры XIX — начала XX в., его маршрут должен был бы представлять собой нечто вроде восьмерки, вытянутой с юго-запада на северо-восток, выписывающей два эллипса по двум текстильным кластерам — Московско-Владимирскому и Ивановско-Ярославскому. Поселения, расположенные на этом Текстильном кольце, имеют сходный историко-архитектурный, социальный и культурный профиль. Быстрый рост промышленности заставлял владельцев фабрик выносить здания за пределы исторически сложившейся застройки поселения, и этот «слободской» принцип градостроения трансформировал зарегулированную, основанную на жестком и четком плане систему расселения, сложившуюся в России в XVIII в. [там же: 445]. Архитектурными доминантами этих поселений были текстильные фабрики, высившиеся как замки или кремли, «облицованные красным кирпичном многоэтажные корпуса с фасадами, прорезанными рядами равномерно расположенных окон» [там же: 448]. Наряду с фабриками определяющую роль в архитектурном облике этих поселений играли церкви, строившиеся стараниями предпринимателей [Гарелин, 1884: 5]. В 1873 г. даже была сделана попытка наделить поселение характерным гербом: «Нижняя половина выражает колесо — механику, реторта — химию, то есть промышленность, якорь и кипы товара — торговлю...» [Корников, 2008: 24].

В советское время Ивановская область имела репутацию «текстильного цеха Союза», выпуская не менее 1/5 части общесоюзного производства тканей [Бушуева, 2011: 275]. На протяжении 1930-е гг. старые фабричные центры обзаводились конструктивистскими общественными зданиями и жилыми домами, врезавшимися в дореволюционную застройку. Вплоть до середины 1930-х гг. Иваново, крупнейший экономический центр текстильного края, претендовало на высокое звание «третьей столицы» страны [Тимофеев, 2016: 73]. Город, конечно, обладает чертами сходства с другими центрами крупных советских индустриальных областей — Свердловском, Новосибирском, Ростовом-на-Дону, Горьким. Однако есть и важные различия: в отличие от упомянутых региональных центров, где вокруг промышленных новостроек-гигантов разворачивалось новое жилищно-коммунальное строительство (как соцгород Автозавода в Горьком или Уралмаш в Свердловске), в Иваново промышленный рост шел в основном на базе дореволюционных предприятий. Конечно, был построен ряд новых предприятий — фабрика имени Дзержинского, фабрика «Красная Талка» и меланжевый комбинат им. К. И. Фролова [Тимофеев, 2017: 57]. Однако эти предприятия не формировали собственных городков. Похожая ситуация была и в других городах Ивановской промышленной области, хотя некоторые, как Тейково или Шуя, обзавелись довольно крупными комплексами в духе конструктивизма. Отличался от других городов текстильного края Комсомольск, построенный при электростанции ИвГРЭС и ставший образцовым конструктивистским соцгородом [Снитко, 2015].

Поскольку подавляющее большинство фабрик было «унаследовано» от дореволюционной поры, составной частью индустриальной идентичности текстильного края была *революционная гордость* (разве что Санкт-Петербург мог выступать в том же почетном качестве «колыбели революции»). Иваново считалось не только «текстильным цехом страны», но и «родиной первого Совета», а история о страданиях пролетариата и о героической борьбе против капитализма была обязательной составляющей советского нарратива о каждом из «манчестеров». «История Большой Ивановской мануфактуры неотделима от истории всех ивановских

текстильщиков, от их революционной борьбы и участия в коммунистическом строительстве», — констатировали авторы исторического очерка о Большой Ивановской мануфактуре (БИМ) в 1952 г. [Глебов, Соколов, 1952: 3]. К 1970-м гг. Иваново закрепило репутацию «города первого совета», в городе был создан ряд монументальных произведений на эту тему [Вакарчук, 2017].

По сравнению с героическим нарративом об угнетении/освобождении собственно индустриальная гордость, связанная с развитием производства в XX в., была меньше, по преимуществу сводясь к описанию ударного труда (стахановки Виноградовы, важные фигуры советского «пантеона» 1930-х гг., представляли Вичугу). Тот факт, что мануфактура продолжала работать в старых цехах, вызвал у авторов неловкость, которую они старались скрыть: «В отличие от дореволюционных лет, когда производственные корпуса плохо освещались и были сильно загрязнены, Большая Ивановская мануфактура, как и всякая советская фабрика, поддерживает тщательный порядок во всех производственных помещениях. Печатный цех со стенами, окрашенными масляными красками, и освещенный лампами дневного света, установленными у каждой печатной машины, выглядит, как большая производственная лаборатория. Чистота на производстве обязывает рабочих добиваться высокой культуры в выработке первосортных тканей» [Глебов, Соколов, 1952: 126].

Текстильный профиль равнинно-фабричной цивилизации на протяжении XX столетия конкурировал с другими нарративами идентичности. С юга в текстильную страну уже с конца XIX в. врзался клин металлургической, металлообрабатывающей и химической индустрии, развертывавшийся по линии Ковров — Владимир — Кольчугино — Киржач. С 1870-х гг. в Кольчугино развивалась цветная металлургия. В Коврове, бывшем видном текстильном городе, с 1916 г. присутствовала и крупная военная промышленность, в 1930-х гг. начавшая определять облик города. В 1930-х гг. крупным центром химической промышленности и приборостроения стал Владимир. На севере Ярославль утратил текстильную специализацию, став ведущим центром нефтехимической, резиновой и моторостроительной индустрии. Наконец, южная часть Текстильного кольца, сложившаяся близ Москвы, переживала те же трансформации, что и столица: здесь быстро начал расти комплекс наукоемкой индустрии, размывавший старый ландшафт «манчестеров». Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР в 1934 г. констатировал сдвиг в экономике Ивановской области от текстильной индустрии к химии и машиностроению [Второй пятилетний план..., 1934: 48]. Однако при разделении Ивановской промышленной области в 1936 г. машиностроительные и химические новостройки оказались на территории Ярославской и Владимирской областей.

В послевоенный период начался новый виток насыщения области машиностроительными производствами. В путеводителе по Ивановской области 1949 г. известный писатель М. Д. Шошин провозглашал: «В будущем Иваново — центр не только текстильной промышленности, но и машиностроения. Город станет одним из крупнейших промышленных и культурных центров страны» [Шошин, 1949: 42]. Действительно, на территории города разместился теперь ряд машиностроительных заводов, однако вклад этих предприятий в их профильные отрасли был меньше, чем вклад Ивановской области в текстильную отрасль. Более серьезным вызовом стала формировавшаяся с 1960-х гг. идентичность Золотого кольца, опирающаяся на музеефицированные старинные монастыри и храмы, а также на растущий спрос огромной Москвы, начинавшей потреблять блага культурного туризма. Основой Золотого кольца выступали два огромных музея — в Ростове и во Владимире; в Суздале был выстроен мощный современный гостиничный комплекс [Арефьева, 2017]. И по сей день местные органы власти развивают Золотое кольцо; появляются разнообразные проекты «малых Золотых колец», стремящиеся вовлечь в процесс те города, которые не попали в оригинальный маршрут [Глушкова, 2019: 45].

На фоне успехов Золотого кольца текстильное производство плохо поддавалось позиционированию как наукоемкая, современная отрасль промышленности. Хотя, разумеется, она тоже является областью применения наукоемких технологий (материаловедение, автоматизация производства), все же основной прогресс в текстильной промышленности, являющейся в категориях Джереффи цепочкой, зависящей от покупателя, достигается в сфере дизайна, который отделяется от текстильного производства и становится частью креативной индустрии моды. Эта отрасль производства в СССР развивалась слабо. Поэтому распад плановой экономики СССР больно ударил по «манчестерам»: к уязвимости перед хлынувшим на рынок импортным продуктом прибавились слабая обеспеченность сырьем [Балдин, 2014: 20], узкая специализация и консервативная структура выпускаемой продукции, избыточный размер и энергетическая неэффективность фабрик, низкая автоматизация, слабое (ниже 15 % от общего объема) использование синтетических волокон, преобладание выпуска простых тканей с несложной технологией, износом оборудования [Кураев, 2014: 82]. Особо острой проблемой стал сбыт текстильной продукции швейным предприятиям [Капицын и др., 2000: 50]. Но в целом регион сохранил, несмотря ни на что, репутацию «текстильного цеха страны». Складывавшаяся на протяжении двух с лишним столетий индустриальная идентичность дает о себе знать на футбольном поле, одна из речовок ивановских болельщиков такова: «Оле-оле, оле-оле, поем мы все о текстиле» [Горохов, 2018].

С 1999 г. ситуация в текстильной промышленности Ивановской области стабилизировалась, наметился рост [Яковенко, 2014: 123]. Именно здесь действуют специализированные торгово-логистические комплексы текстильного профиля, интернет-площадки для торговли текстильной продукцией. Сложилась и сеть мелких швейных производств, выпускающих недорогую продукцию небольшими партиями [Некрасова, 2012: 158]. Легкая промышленность Центрального старотекстильного ареала, первоначально консолидированная весьма слабо, в XXI в. оказалась реорганизована в рамках ряда холдингов, таких, как «Шуйские ситцы», «ТДЛ Текстиль», «Нордтекс» и другие [Аржанова, 2014]. К 2010 г. началась реализация амбициозной политики создания инновационного кластера [Рычихина, 2013: 94], воплотившаяся, впрочем, далеко не полностью [Солдатов, Некрасова, 2016]. Экономическая сила текстильного сектора не очень-то велика: в сумме ивановские текстильные производители реализовали продукции на ту же сумму, что и ростовская фирма «Глория Джинс», занявшая 384-е место в рейтинге 600 крупнейших компаний России 2019 г. и оказавшаяся в нем единственным представителем легкой промышленности. В отличие от текстильной индустрии, которая в СССР была сконцентрирована в нескольких регионах, включая Центральный старотекстильный ареал, швейная промышленность была довольно равномерно распределена по территории страны [Христофорова и др., 2015: 274]. Экономисты считают, что развитие текстильной индустрии России (и Ивановской области) связано с наращиванием производства синтетических материалов, с ориентацией на работу в среднем ценовом сегменте (поскольку в дешевом сегменте конкурировать с китайскими и другими производителями невозможно, а в дорогой сегмент доступ закрыт из-за отсутствия российских мировых брендов), с интеграцией в глобальные цепи поставок [Текущее состояние..., 2014: 314, 323]. В сумме население текстильного края, если взять Ивановскую, Владимирскую, Вологодскую и Ярославскую области, а также восточные районы Московской области, составляет около 5 600 000 человек, распределенных довольно-таки равномерно по площади около 15 000 км<sup>2</sup>.

Недостаточная наукоемкость, слабая консолидация, отсутствие впечатляющего индустриального нарратива (его сильнейшая часть, история об эксплуатации и революции, обесценилась с крахом СССР) исключают для текстильного края инструментальную роль индустриальной гордости в культурном развитии. Однако

не существует никаких препятствий для того, чтобы рядом с Золотым кольцом через пространство равнинно-фабричной цивилизации пролегло бы еще одно — Текстильное — кольцо. В таком случае уцелевшая легкая промышленность смогла бы компенсировать отсутствие модных брендов, этнизируясь и позиционируя себя как традиционное производство, художественный промысел. Старинные фабрики в этом случае могли бы превратиться в культурно-торговые центры, стать точками продаж. Предполагаемый инновационный текстильный кластер лишь выиграл бы от появления кластера культурного, такого «текстильного Диснейленда», совмещающего черты этнопарка, ярмарки и фабричной краснокирпичной архитектуры.

### **Культурный ландшафт стальной олигополии**

Промышленный Урал резко отличается от текстильного ивановского края. Первая волна строительства городов-заводов на Урале пришлась на XVIII в., однако видимых архитектурных элементов того периода в регионе почти не осталось; крупнейшим сооружением XVIII в. может считаться наклонная башня в Невьянске. В 1-й половине XIX в. заново строится ряд новых крупных производств (Ижевск, Златоуст), некоторые старые заводы были реконструированы. Когда речь заходит об уральском городе-заводе, имеются в виду чаще всего города, созданные в XVIII в. и реконструированные в 1-й половине XIX в. [Градостроительство России... , 2003: 445]. Между тем в конце XIX — начале XX в. ведущими предприятиями индустриальной экономики Урала были новые заводы, созданные в конце XIX в. (Чусовой, Надеждинск) и отличавшиеся по своей планировке от старых поселений. В 1930-х — 1950-х гг. часть старых заводов вновь прошла реконструкцию. На ведущие роли вышли новостройки первых пятилеток — некоторые из них возникли с нуля (Челябинск, Магнитогорск, Красноуральск), другие кардинально преобразили облик старопромышленных городов (Свердловск, Пермь, Нижний Тагил, Соликамск). Внутри «горнозаводской страны» сформировалась новая география промышленных центров: новостройки имели собственную историю, в которой старинные и революционные сюжеты играли маргинальную роль, зато важное место занимали истории о первостроителях, новых технологиях, эвакуации оборонных мощностей с запада СССР, освоении новых видов продукции.

Великая Отечественная война оказала огромное влияние на развитие уральских индустриальных городов, поскольку многие из них изменили облик вследствие эвакуации — прежде всего это касается Миасса, Чебаркуля, значительные изменения пережили Свердловск и Челябинск. С 1930-х гг. на Урале быстро развивался наукоемкий сектор, вначале представленный энерго- и электромашиностроением, к которому вскоре добавились мощные заводы атомного и ракетного циклов, целая сеть НИИ и специализированных конструкторских бюро [Мельникова, 2014]. Таким образом, уральский промышленный город был к концу XX в. представлен не менее чем 4 основными типами, которые сильно различались по своей пространственной ориентации, культурному профилю, специализации: старые города-заводы, новые города-заводы, гиганты индустриализации и эвакуации, «закрытые» города ракетно-ядерного цикла. Эта горнозаводская идентичность так же, как и равнинно-фабричная, конкурировала с другими культурными типами, генерировавшимися своими хозяйственными укладами. Важно, что горно-металлургический уклад здесь не вытеснялся; он и сам развивался, переходя к новым, технологически более сложным типам производства (металлургия алюминия, титана, магния), и становился базой для металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности.

Между тем, металлургические, горнодобывающие и машиностроительные колоссы образовывали лишь часть индустриальной идентичности региона [Киселев, Щербаков, 2013: 148]. Например, внутри Большого Урала существовали собственные зоны добычи угля — крупнейшей из них был Кизеловский угольный бассейн, а также

Карпинск и Волчанск на Северном Урале, Коркино и Копейск близ Челябинска. Шахтерские городки Кизелбасса, разбросанные на протяженности почти в 100 километров вдоль западного склона Урала, вовсе не напоминали о городах-заводах; они были небольшими поселками, причудливо размещенными около своих шахт, формируя чрезвычайно запутанную, полицентрическую городскую структуру. Своеобразным был и дискурс о шахтерских городах: добыча каменного угля не фигурировала в конвенциональном нарративе о мастерах и умельцах. «Шахтерская гордость» Кизела была вытеснена на задний план в общем уральском нарративе. Дискриминация закреплялась экономической слабостью района. С 1970-х гг. Кизелбасс начал испытывать депопуляцию [Баканов, 2017], в 1990-е гг. бывшая шахтерская страна превратилась в край заброшенных городов и экологического бедствия.

Дискриминации внутри регионального нарратива подвергся другой и крупнейший социально-экономический комплекс Уральского региона — лесопромышленный. Лесная индустрия охватывает старопромышленное ядро Урала широким полукольцом от Верхнего Прикамья (Красновишерск) до Тавды; внутри самой горной страны имеются крупные зоны лесной разработки, на Южном и Среднем Урале [Зыкин, 2020]. Известный уральский поэт Н. А. Куштум, выросший близ Таганая, именовал Урал «лесной родиной» [Куштум, 1937: 59]:

Речки падают с утесов,  
Тучи прячутся в горах,  
Свищут косы на покосах,  
Лес вывозят трактора.  
Слышен говор лесопилок,  
Лесорубов голоса,  
Терпким запахом опилок  
Переполнены леса.

Тем более интересны попытки создать на Урале аналог прославленного Золотого кольца — например, организованное в 2010-х гг. Самоцветное кольцо Урала. Поскольку на Урале отсутствует средневековая древность (разве что старинные города Верхнего Прикамья можно трактовать как средневековые), историко-этническая концепция региона опиралась на индустрию, но определенную как ремесло, традиция, промысел. Как и в случае с равнинно-фабричной цивилизацией Ивановской области, историко-этнический взгляд на уральскую горнозаводскую цивилизацию противостоит индустриальной гордости действующих предприятий: интерес представляет только аутентичное, «крафтовое», промысловое, а не поточное и наукоемкое. В 1970-х гг. в Екатеринбурге был частично реализован весьма амбициозный проект создания подобного пространства «аутентичности» (хотя тогда его так, конечно, не называли) и урбанизма на советский лад. Работавший в центре города старый металлургический завод реконструировали, превратив в Исторический, включавший музей изобразительного искусства, музей архитектуры, краеведческий музей, а также каскад фонтанов и экспозицию заводской техники под открытым небом. Для СССР того времени это был уникальный пример ревитализации промышленной зоны.

Наряду с этим Уралом камнерезов и мастеров существует, конечно, Урал крупной промышленности. Советская промышленная гигантомания оказалась адаптирована в новых рыночных условиях, и даже фотографии индустриальных цехов и корпусов остались важным элементом «визуального представления Свердловской области как сильного экономического региона» [Архипова, 2016: 86—87]. В стратегиях позиционирования уральских городов прослеживается даже «определенная “усталость” от индустриальности» [Тимофеев, 2013: 37], однако это, на наш взгляд, связано именно с тем, что индустриальная гордость в условиях XXI в. отмежевывается от старого понимания производства, так же, как производство

1960—1970-х гг. подвергало переоценке свои устаревшие мощности и цеха. На Урале можно найти несколько своеобразных аналогов «Austostadt», разумеется, с поправкой на экономический разрыв между Саксонией и Уралом. Это касается масштабного культурного и урбанистического обустройства, которые ведут медная корпорация УГМК в Верхней Пышме, трубопрокатная «Группа ЧТПЗ» в Первоуральске, деятельности компании «Магнезит» по привлечению современного искусства в Сатку, усилий группы «Синара» по сохранению старинной домны в Полевском, многолетнего существования в Нижнем Тагиле «ярмарки вооружений» под эгидой Уральского вагоностроительного завода. Наиболее амбициозным среди этих проектов является культурный парк «Притяжение», с 2019 г. реализуемый Магнитогорским металлургическим комбинатом. В случае успешного завершения проект станет настоящим «стальным Диснейлендом».

В металлургических отраслях экономики России с 1990-х гг. по ряду обстоятельств сложилась уникальная децентрализованная система — олигополия, особенно ярко выраженная в черной металлургии (6 ведущих компаний производят 95 % российской стали, при этом 3 из них имеют основные производства на Урале) [Роменец, Ильичёв, 2008: 5]. Эта ситуация открывает возможность для стратегии вложений в социальную и культурную сферу тех провинциальных городов, где находятся ключевые производства. Конечно, не все выигрывают в равной мере: Верхняя Пышма, место приложения ресурсов медного консорциума, доминирует над менее значимыми в структуре компании Кировградом или Красноуральском. Но можно предполагать, что концентрация всей черной металлургии в руках одной монополии привела бы к тому, что вся индустриальная периферия оказалась бы дискриминирована столицей и весь социально-культурный ландшафт Урала выглядел бы совершенно по-иному.

И если бы уральский коллега Бычкова прокладывал курс по металлургической стране, чтобы воочию увидеть ее индустриальную гордость, ему пришлось бы проделать путь почти в 1000 километров по чрезвычайно вытянутому эллипсу, протянутому от Орска на юге до Серова на севере. Это Стальное кольцо могло бы быть представлено — как и его текстильный аналог — в виде восьмерки с двумя кольцами, среднеуральским (Екатеринбург — Нижний Тагил — Серов — Лысьва — Пермь — Екатеринбург) и южноуральским (Челябинск — Магнитогорск — Белорецк — Златоуст — Челябинск). При этом вне кольца, скорее всего, остались бы промышленные гиганты Прикамья, Березники и Соликамск — центры горной добычи, химической промышленности и металлургии магния и титана. Кроме того, Урал по российским меркам населенный: суммарная численность населения только Свердловской, Челябинской и Пермской областей составляет более 10 000 000 человек. Из них большая часть проживает в вытянутой вдоль восточного склона хребта металлургической стране протяженностью около 600 километров от Серова до Магнитогорска. Концентрация конкурентоспособной промышленности и населения крупнейших городов определяют и возможности для сохранения промышленного наследия и его интеграции в социально-культурную жизнь постиндустриального мира.

\*\*\*

Индустриальная идентичность регионов, которую можно четко выявить и в Центральном старопромышленном ареале, и на Урале, не поддается единой стратегии сохранения в постиндустриальном мире. Во всех случаях доминирующий индустриальный нарратив конкурирует с другими формами и типами культуры, подпитываемыми другими хозяйственными укладами, иногда — дискриминирует их, как горнозаводская цивилизация Урала дискриминировала собственные угледобывающие и лесные районы, иногда — подвергается дискриминации, как ивановская

равнинно-фабричная цивилизация подверглась давлению со стороны Золотого кольца. Конвертация индустриальной культуры будет определяться тем, принадлежат ли предприятия регионального профиля к цепочке, зависимой от производителя (Урал), или к цепочке, зависимой от покупателя (Иваново).

Для предприятий второго типа ключевую роль играет не научно-техническое превосходство, а брендинг, способный отделиться от текстильного производства и зажить своей жизнью в качестве индустрии моды. К тому же текстильная промышленность Ивановской, Владимирской, Московской областей слабо консолидирована и, следовательно, не располагает свободными ресурсами для развития непрофильных активов. Хотя население на обширной территории текстильного края достаточно сильно распылено, находящаяся рядом перенаселенная и богатая Москва способна компенсировать нехватку собственного спроса. Историко-культурный ресурс индустриального наследия бывшей Ивановской промышленной области способен добавить ценности местной текстильной и швейной продукции как «крафтовой», аутентичной, традиционной, а также обогатить и дополнить новыми локациями уже сложившееся Золотое кольцо.

Промышленный Урал, формально также являющийся старопромышленным регионом, в основном населен предприятиями, зависимыми от производителя. Для них характерен наукоемкий, сложный производственный процесс, занятие командных высот экономики, наличие свободных ресурсов, которые можно вкладывать в престижные проекты, косвенно влияющие на общее повышение привлекательности своего города и на усиление своей марки. Престижные административные здания (в 2020 г. Российская медная компания завершила строительство своей штаб-квартиры в Екатеринбурге по проекту бюро Н. Фостера), культурные парки, музеи, выставочные центры — все это призвано подчеркнуть доминирующую роль промышленных гигантов, их индустриальную гордость, исключительную роль в жизни края. Это стало возможным благодаря уникальной ситуации, сложившейся в российской металлургической и металлообрабатывающей промышленности, которая (в отличие от нефтегазовой) не была монополизирована, а также благодаря специфике истории промышленной колонизации Урала.

### *Библиографический список*

- Арефьева Е. Как строили ГТК «Суздаль» // Владимирские ведомости. 2017. 15 марта.
- Аржанова Я. Обшопать импорт // Бизнес-журнал. 2014. № 9. С. 35—36.
- Архипова Ю. В. Визуальные образы Урала и их роль в конструировании брендов // Вестник Гуманитарного университета. 2016. № 1. С. 83—92.
- Баканов С. А. Демографическая деградация городов в старопромышленных районах Урала (1959—2010) // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 1. С. 74—85.
- Балдин К. Е. Индустриальное развитие и образовательное пространство провинциального города в конце XIX — начале XX в.: (на примере Иваново-Вознесенска) // Лабиринт: прошлое, настоящее и будущее индустриального города. 2014. № 1. С. 17—26.
- Бушуева М. А. Ретроспективный анализ Ивановского текстильно-промышленного кластера // Теория и практика общественного развития. 2011. № 4. С. 273—276.
- Вакарчук А. Ю. Из истории экскурсионного туризма в СССР: маршрут «Золотое кольцо» // Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI веков: материалы XV Международной научной конференции. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. С. 268—274.
- Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР. М.: Госплан СССР, 1934. 739 с.
- Гарелин Я. П. Город Иваново-Вознесенск или бывшее село Иваново и Вознесенский Посад. Шуя: Литотип. Я. И. Борисоглебского, 1884. Т. 1. 225 с.
- Глебов Ю. Ф., Соколов В. М. История фабрики Большой Ивановской мануфактуры. Иваново: Иван. обл. гос. изд-во, 1952. 156 с.
- Глушкова А. С. Брендинг территорий как инструмент привлечения туристов в города, входящие в Малое Золотое кольцо // Вопросы студенческой науки. 2019. № 10. С. 44—54.

- Головнёв А. В. Этничность и идентичность на Урале // Уральский исторический вестник. 2011. № 2. С. 40—49.
- Горохов А. Текстильная столица России // Рабочий край. 2018. 23 марта.
- Градостроительство России середины XIX — начала XX века: города и новые типы поселений. М.: Прогресс-Традиция, 2003. Кн. 2. 557 с.
- Гусев Н. Ю., Берендеева А. Б. Легкая промышленность Ивановской области: состояние, проблемы, перспективы развития // Известия вузов. Технология текстильной промышленности. 2006. № 2. С. 6—10.
- Зыкин И. В. Строительная программа первого и второго пятилетних планов в лесопромышленном комплексе СССР: опыт анализа // Историко-экономические исследования. 2020. Т. 21, № 4. С. 529—552.
- Капицын В. М., Герасименко О. А., Андропова Л. Н. Пути выхода текстильной промышленности из кризиса // Проблемы прогнозирования. 2000. № 2. С. 48—60.
- Киселев К. В., Щербаков А. Ю. Урал: к вопросу об идентификационной динамике бренда // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 1. С. 138—150.
- Корников А. А. Геральдика Ивановского края: история и современное состояние // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 20—33.
- Кураев А. Н. Легкая и текстильная промышленности России на современном этапе // Человеческий капитал. 2014. № 7. С. 80—83.
- Куштурм Н. А. Лесная родина. Свердловск: Свердл. обл. изд-во, 1937. 80 с.
- Ловкова Е. С., Савельев И. И., Мищенко В. И., Илларионов А. Е., Селезнев П. С. Развитие текстильной промышленности во Владимирской области // Известия вузов. Технология текстильной промышленности. 2018. № 6. С. 23—26.
- Мельникова Н. В. Формирование «атомной общности» в СССР: социальные активы, «фильтры» и контуры стратификации // Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII—XX вв.: материалы Первого Всероссийского научного семинара. Екатеринбург: Банк культ. информ., 2014. С. 98—109.
- Некрасова И. В. К вопросу об интеграционных процессах в текстильной и швейной промышленности // Экономика образования. 2012. № 4. С. 156—159.
- Роменец В. А., Ильичёв И. П. Экономические закономерности, стратегии и проблемы развития черной металлургии // Экономика в промышленности. 2008. № 1. С. 2—12.
- Рычихина Н. С. Анализ стадий «жизненного цикла» развития текстильной отрасли Ивановской области (Россия) // Экономика и банки. 2013. № 2. С. 88—96.
- Сдобнов С. Иваново — центр равнинно-фабричной цивилизации // Strelka Mag. 2017. 21 августа.
- Снитко А. В. Историко-архитектурное наследие производственной и социальной инфраструктур Ивановской ГРЭС // Academia. Архитектура и строительство. 2015. № 3. С. 51—57.
- Солдатов В. В., Некрасова И. В. Инновационный текстильный кластер как основное направление развития текстильной промышленности // Современные наукоемкие технологии: региональное приложение. 2016. № 3. С. 154—157.
- Столбов В. П. К вопросу о зарождении промышленного текстильного предпринимательства в российской провинции: (на примере Иваново) // Историко-экономические исследования. 2012. № 2—3. С. 43—62.
- Текущее состояние и перспективы развития легкой промышленности в России. М.: Высш. шк. экономики, 2014. 333 с.
- Тимофеев М. Ю. Города и регионы России как (пост)индустриальные бренды // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 29—41.
- Тимофеев М. Ю. От «красного Манчестера» к «красному Диснейленду»: конструктивистская архитектура и стратегии позиционирования города Иваново // Quaestio Rossica. 2016. № 3. С. 72—92.
- Тимофеев М. Ю. Иваново: город красной зари. Неканонический путеводитель. Иваново: А-Гриф, 2017. 180 с.
- Трейвиш А. И. Ивановское «убывание»: города региона в зеркале истории, географии и статистики // Иваново: город в постсоциалистической трансформации. Берлин, 2004. С. 11—25.

- Христофорова И. В., Архипова Т. Н., Деменкова А. Б. Швейная промышленность: проблемы развития, региональная дислокация и современные управленческие технологии малых предприятий // Модернизация. Инновации. Развитие. 2015. № 4. С. 273—277.
- Шошин М. По родной области. Иваново: Иван. обл. гос. изд-во, 1949. 260 с.
- Яковенко Н. В. Тенденции и перспективы развития текстильной промышленности депрессивного региона (Ивановская область) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3, Экономика. Экология. 2014. № 4. С. 121—129.
- Gereffi G. The Organization of buyer-driven global commodity chains: how U.S. retailers shape overseas production networks // *Commodity Chains and Global Capitalism*. Westport; London: Praeger, 1994. P. 95—122.

### References

- Arkhipova, Ju. V. (2016) Vizual'nye obrazy Urala i ikh rol' v konstruirovanii brendov [Visual images of Urals in constructing brands], *Vestnik Gumanitarnogo universiteta* [Herald of University for Humanities], no. 1, pp. 83—92.
- Bakanov, S. A. (2017) Demograficheskaya degradaciya gorodov v staropromyshlennykh rajonakh Urala (1959—2010) [Urban demographic decline in the traditional industrial regions of the Urals (1959—2010)], *Quaestio Rossica*, no. 1, pp. 74—85.
- Baldin, K. E. (2014) Industrial'noe razvitie i obrazovatel'noe prostranstvo provincial'nogo goroda v konce XIX — nachale XX v.: (Na primere Ivanovo-Voznesenska) [Industrial development and educational space of provincial city in the end of 19th — early 20th centuries: (Example of Ivanovo-Voznesensk)], *Labirint: Proshloe, nastojashhee i budushhee industrial'nogo goroda* [Labyrinth: Past, present and future of industrial city], no. 1, pp. 17—26.
- Bushueva, M. A. (2011) Retrospektivnyj analiz Ivanovskogo tekstil'no-promyshlennogo klastera [Retrospective analysis of Ivanovo textile and industrial cluster], *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], no. 4, pp. 273—276.
- Garelin, Ja. P. (1884) *Gorod Ivanovo-Voznesensk ili byvshee selo Ivanovo i Voznesenskij Posad* [City of Ivanovo-Voznesensk, or the former village of Ivanovo and Voznesensk posad], vol. 1, Shuya: Litotipografiya Ja. I. Borisoglebskogo.
- Gereffi, G. (1994) The organization of buyer-driven global commodity chains: how U.S. retailers shape overseas production networks, *Commodity Chains and Global Capitalism*, Westport; London: Praeger, pp. 95—122.
- Glebov, Ju. F., Sokolov, V. M. (1952) *Istorija fabriki Bol'shoj Ivanovskoj manufaktury* [History of Big Ivanovo manufacture factory], Ivanovo: Ivanovskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Glushkova, A. S. (2019) Brending territorij kak instrument privlecheniya turistov v goroda, vkhodyashhie v Maloe Zolotoe kol'co [Territory branding as a tool of attraction of tourists to the cities of Smaller Golden Ring], *Voprosy studencheskoj nauki* [Student studies], no. 10, pp. 44—54.
- Golovnjov, A. V. (2011) Jetnichnost' i identichnost' na Urale [Ethnicity and identity in Urals], *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural historical journal], no. 2, pp. 40—49.
- Gradostroitel'stvo Rossii serediny XIX — nachala XX veka: Goroda i novye tipy poselenij [City building in Russia, mid-19th — early 20th century: Cities and new types of settlements], vol. 2, Moscow: Progress-Tradiciya.
- Gusev, N. Ju., Berendeeva, A. B. (2006) Legkaya promyshlennost' Ivanovskoj oblasti: sostoyanie, problemy, perspektivy razvitiya [Textile industry of Ivanovo region: status, problems, perspectives of development], *Izvestija vuzov: Tehnologiya tekstil'noj promyshlennosti* [Technology of textile industry], no. 2, pp. 6—10.
- Kapicyn, V. M., Gerasimenko, O. A., Andronova, L. N. (2000) Puti vykhoda tekstil'noj promyshlennosti iz krizisa [Ways of leading textile industry out of crisis], *Problemy prognozirovaniya* [Problems of prognostics], no. 2, pp. 48—60.
- Khristoforova, I. V., Arkhipova, T. N., Demenkova, A. B. (2015) Shvejnaya promyshlennost': problemy razvitiya, regional'naya dislokaciya i sovremennye upravlencheskie tekhnologii mal'nykh predpriyatij [Clothing industry: problems of development, regional dislocation and recent managerial technologies of the small businesses], *Modernizaciya. Innovacii. Razvitie* [Modernization, Innovations, Development], no. 4, pp. 273—277.

- Kiselev, K. V., Shherbakov, A. Ju. (2013) Ural: k voprosu ob identifikacionnoj dinamike Brenda [Ural: on the issue of brand identification dynamics], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Journal of Perm State University], no. 1. pp. 138—150.
- Kornikov, A. A. (2008) Geral'dika Ivanovskogo kraja: istoriya i sovremennoe sostoyanie [Heraldry of Ivanovo region: history and present state], *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya: Gumanitarnye nauki* [Herald of Ivanovo State University], no. 4, pp. 20—33.
- Kuraev, A. N. (2014) Legkaya i tekstil'naya promyshlennosti Rossii na sovremennom etape [Textile industry of Russia at the present stage], *Chelovecheskij kapital* [Human capital], no. 7, pp. 80—83.
- Kushtum, N. A. (1937) *Lesnaya rodina* [Motherland in woods], Sverdlovsk: Sverdlgiz.
- Lovkova, E. S., Savel'ev, I. I., Mishchenko, V. I., Illarionov, A. E., Seleznev, P. S. (2018) Razvitie tekstil'noj promyshlennosti vo Vladimirskoj oblasti [Development of textile industry in Vladimir region], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Tehnologiya tekstil'noj promyshlennosti* [Technology of textile industry], no. 6, pp. 23—26.
- Mel'nikova, N. V. (2014) Formirovanie "atomnoj obshhnosti" v SSSR: social'nye aktivy, "fil'try" i kontury stratifikacii [Formation of "atomic community" in USSR: social actives, "filters" and outlines of stratification], *Granicy i markery social'noj stratifikacii v Rossii XVII—XX vv.: Materialy pervogo Vserossijskogo nauchnogo seminara* [Limits and markers of social stratification in 17th — 20th century Russia], Ekaterinburg, Bank kul'turnoj informacii, pp. 98—109.
- Nekrasova, I. V. (2012) K voprosu ob integracionnyh processah v tekstil'noj i shvejnoj promyshlennosti [The issue of integration process in textile and clothing industry], *Ekonomika obrazovaniya* [Economics of education], no. 4, pp. 156—159.
- Romenec, V. A., Il'ichev, I. P. (2008) Ekonomicheskie zakonomernosti, strategii i problemy razvitiya chernoj metallurgii [Economical regularities, strategies and problems of development of ferrous metallurgy], *Ekonomika v promyshlennosti* [Economics of industry], no. 1. pp. 2—12.
- Rychihina, N. S. (2013) Analiz stadij "zhiznennogo cikla" razvitiya tekstil'noj otrasli Ivanovskoj oblasti (Rossiya) [Analysis of stages of "life cycle" of the development of textile industry of Ivanovo region], *Ekonomika i banki* [Economics and banks], no. 2, pp. 88—96.
- Shoshin, M. (1949) *Po rodnoj oblasti* [Across the region of birth], Ivanovo, Ivanovskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Snitko, A. V. (2015) Istoriko-arhitekturnoe nasledie proizvodstvennoj i social'noj infrastruktur Ivanovskoj GRFS [Historical and architectural heritage of industrial and social infrastructure of Ivanovo Power Station], *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [Academy. Architecture and construction], no. 3, pp. 51—57.
- Soldatov, V. V., Nekrasova, I. V. (2016) Innovacionnyj tekstil'nyj klaster kak osnovnoe napravlenie razvitiya tekstil'noj promyshlennosti [Innovation textile cluster as the main direction of development of textile industry], *Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie* [Modern research-intensive technologies: Regional supplement], no. 3, pp. 154—157.
- Stolbov, V. P. (2012) K voprosu o zarozhdenii promyshlennogo tekstil'nogo predprinimatel'stva v rossijskoj provincii: (Na primere Ivanova) [On the emergence of industrial textile entrepreneurship in provincial Russia: (Ivanovo example)], *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* [Journal of Economic History & History of Economics], no. 2—3, pp. 43—62.
- Tekushchee sostoyanie i perspektivy razvitiya legkoj promyshlennosti v Rossii* (2014) [Recent state and prospective for development of light industry in Russia], Moscow: Vysshchaya shkola ekonomiki, 333 p.
- Timofeev, M. Ju. (2013) Goroda i regiony Rossii kak (post)industrial'nye brendy [Cities and regions of Russia as (post)industrial brands], *Labirint: Zhurnal social'no-gumanitarnykh issledovanij* [Labyrinth: Journal of social studies and humanities], no. 5, pp. 29—41.
- Timofeev, M. Ju. (2016) Ot "krasnogo Manchestera" k "krasnomu Disnejlendu": konstruktivistskaya arkhitektura i strategii pozicionirovaniya goroda Ivanovo [From "red Manchester" to "red Disneyland": constructivist architecture and the representation of Ivanovo], *Quaestio Rossica*, no. 3, pp. 72—92.
- Timofeev, M. Ju. (2017) *Ivanovo: gorod krasnoj zari. Nekanonicheskij putevoditel'* [Ivanovo: City of the Red Dawn: An uncanonical guide], Ivanovo: A-Grif.

- Trejvish, A. I. (2004) Ivanovskoe «ubyvanie»: goroda regiona v zerkale istorii, geografii i statistiki [Ivanovo “waning”: the cities of the region in the mirror of history, geography and statistics], *Ivanovo: Gorod v postsocialisticheskoy transformacii* [Ivanovo: the city in the post-socialist transformation], Berlin, pp. 12.
- Vakarchuk, A. Ju. (2016) Iz istorii èkskursionnogo turizma v SSSR: marshrut “Zolotoe kol’co” [From the history of excursions in USSR: Golden ring route], *Gosudarstvo, obshchestvo, cerkov’ v istorii Rossii XX — XXI vekov: Materialy XV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [State, society, church in the history of Russia of 20th — 21st centuries: proceedings of 15th International scientific conference], Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, pp. 268—274.
- Vtoroj pyatiletnij plan razvitiya narodnogo khozyajstva SSSR (1934)* [Second five-year plan of development of national economy of USSR], Moscow: Gosplan.
- Yakovenko, N. V. (2014) Tendencii i perspektivy razvitiya tekstil’noj promyshlennosti depressivnogo regiona: (Ivanovskaya oblast’) [Tendencies and perspectives of development of textile industry in the depressive region: (Ivanovo region)], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriya 3, Èkonomika. Èkologiya [Journal of Volgograd State University], no. 4, pp. 121—129.
- Zykin, I. V. (2020) Stroitel’naya programma pervogo i vtorogo pyatiletnikh planov v lesopromyshlennom komplekse SSSR: opyt analiza [Construction Program of the First and the Second Five-Year Plans in Timber Industry of the USSR: Experience in the Study], *Istoriiko-èkonomicheskie issledovaniya* [Journal of Economic History & History of Economics], no. 4, pp. 529—552.